Что могло пойти не так: тревожность и городской дизайн[1]

Александр Вилейкис,
Полина Ханова

Вилейкис Александр Игоревич, профессор, Евразийский институт экономико-правовых исследований, Университет Нархоз; директор комьюнити-центра, Казахстан, 050035, г. Алма-Ата, ул. Жандосова, 55.
E-mail: alexandro.vileykis@gmail.com
Ханова Полина Андреевна, кандидат философских наук, ассистент кафедры онтологии и теории познания, философский факультет, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Российская Федерация, 119991, г. Москва, Ломоносовский пр-т, 27, корп. 4.
E-mail: linakhanova@gmail.com

В данной статье исследуется влияние философии эпохи Просвещения на современные экологические концепции и городской дизайн. Авторы рассматривают, как идеи Просвещения способствовали формированию отношений человека с окружающей средой, начиная с эпохи барокко. Они подчеркивают, что Просвещение внесло значительный вклад в рационализацию и оптимизацию городского пространства, вытеснив тревожность и страхи.
Основное внимание уделяется тому, как философы XVIII века и их последователи закладывали фундамент для экологического сознания, приводя к переосмыслению взаимодействия человека с природой в XX веке. В тексте рассматривается концепт ответственности, сложившийся в эпоху Просвещения, и его влияние на современную экологическую повестку. Сравниваются различные исторические периоды, когда альтернативные модели взаимодействия с природой могли бы стать доминирующими, но в итоге уступили рациональному подходу Просвещения.
Исследование акцентирует внимание на изменениях в восприятии времени и пространства, возникших под влиянием Просвещения, и их значении для современного экологического дискурса и урбанистики.

Ключевые слова: Тимоти Мортон; Просвещение; тревожность, экология; городской дизайн; Роберт Курвиц; депрессия; окружающая среда; барокко; solarpunk; Жак Бодрийяр; городская среда; городское планирование; инфраструктура

Цитирование: Вилейкис А.И., Ханова П.А. (2024) Что могло пойти не так: тревожность и городской дизайн // Городские исследования и практики. Т. 9. № 3. С. 8–15. DOI: https://doi.org/10.17323/usp9320248-15

XX век оказался временем переосмысления человечеством отношений с природой. Промышленники 1910-х, наполняющие пустыни нефтедобывающими вышками, и экологические активисты 2010-х, захватывающие платформы в северных морях, не отличаются по своей форме отношений с природой: человек несет ответственность [Вилейкис, 2020], просто она принимает разные обличия – эксплуатации и охранительства, которое суть эксплуатация, только в другой, отложенной и рафинированной форме («мы должны сохранить амурских тигров и коралловые рифы для того, чтобы ими могли любоваться наши внуки»). Жажда наживы сменилась патриархальной заботой. Ответственность – главное слово дискурса Просвещения – «взрослого» кантовского «выхода из состояния несовершеннолетия». Взрослый, совершеннолетний – ответственный хозяйствующий субъект, рачительно управляющий своим наследством: «И все же тип мещанина в высшей степени выражен в обоих [Канте и Робеспьере]: природа предназначила их к отвешиванию кофе и сахара» [Гейне, 1958, с. 97].

«Взрослый» человек Просвещения – уверенный в себе, не испытывающий тревоги и страха, побеждающий знанием[2], рациональным планированием, анализом причин и следствий, взвешиванием выгод и рисков и в конечном итоге осознанием своей необходимости.

1. Статья подготовлена в рамках реализации грантового исследования Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан «Влияние урбанизации на радикализацию исламского фундаментализма на примере Алматы: угрозы и меры противодействия» (ИРН AP23489903).

2. Например, концепция «Страх убивает разум», вокруг которой выстроен культ Бене Гессерит в романе Фрэнка Герберта «Дюна» [Герберт, 2017].

Отсюда и просвещенческий городской дизайн — рациональный, оптимизирующий, подчиняющий все логике эффективности и потребления, выбросивший тревогу на задворки разума.

Интерлюдия. Просвещение

Идея медленного тления, того, что последние ночи уже наступили и мы смотрим на угольки человеческой цивилизации, невозможна в эпоху Просвещения. Апокалипсис, если он произойдет, не может быть растянут во времени — точка, находящаяся за пределами мыслимости. Просвещение создало вечное время — облик городов, который не изменится, здания, которые не могут обратиться в развалины, будущее, которое обязательно, непременно наступит. Просвещение — это христианство минус эсхатология. Даже картинки конца света, которые рисует порожденная Просвещением культура, предполагают одномоментный взрыв (войну, катаклизм), которые закончат человеческую историю, либо «оптимистичный» вариант, в котором она уже закончилась и теперь человечество возрождает новый мир на руинах прежнего.

Просвещение просвещает буквально — «эпоха Просвещения» совпадает с появлением централизованного городского освещения, когда факельщиков, сопровождающих в пути по ночному городу того, кто может себе их позволить, заменяет централизованная сеть фонарей, сперва масляных, затем газовых, затем электрических. Эта технология означает захват городского пространства светом — а пока он выполнен не до конца, все не подлежащее ему принимает имя «темных углов», в которых может скрываться преступник, нищий бродяга или поэт, но никак не должен оказываться добропорядочный буржуа [Beaumont, 2015].

Современное воображение о дизайне городской среды воспроизводит эту просвещенческую модель в режиме «педаль в пол»: оно предполагает собой воздушные цифровые формы, белые, зеркальные и зеленые поверхности. Города-сады реализуют утопические образы, почерпнутые уже не столько из проектов Ле Корбюзье или Томаса Мора, а из научной фантастики. Повседневный ужас городов киберпанка Гибсона [Гибсон, 2017] и Дика [Дик, 2016], где основным свойством среды является опасность, остался среди бесконечных киноремейков — теперь их место занял *solarpunk*, буквальный город Солнца и «солярных» технологий. Свет не привносится в город с помощью систем освещения — он становится элементом архитектуры, это город бесконечного дня. Здесь много зелени, много солнечного света и голубоватой воды. Развитие цифровых технологий, доступность информации и схожие образовательные тенденции приводят к унификации современных мегаполисов, странному эху колониально-имперского европейского проекта: как от Гоа до Куала-Лумпура в городских центрах можно непременно найти собор с барочной лепниной и облаком путти, так и в современном мегаполисе обязательно должно быть белое здание с текучими формами и гигантскими полотнищами сплошного стекла. Но архитектура Захи Хадид — это не барокко, ее плавные изгибы не тревожат и не волнуют — они отсылают, скорее, к естественному колыханию купола медузы или стабильным орбитам космических тел. Современность добавляет важную черту подобного «однообразного» пространства — оно оккупирует образы будущего. 1990-е: Фукуяма пишет «Конец истории» [Фукуяма, 2004]. Города-генерики [Колхас, 2015], эффекты глобального города [Маккуайр, 2014] описаны тогда же. Лозунг современного «города будущего» — «будущее уже здесь»: таким образом, будущее перестает быть будущим, ждать нечего, тревожиться не о чем. Будущее не таит в себе опасностей, потому что повседневная жизнь корпоративного работника — человека, для которого строится город-сад, — движется по понятной траектории. Мир, в котором невозможно проиграть, где не случится радикальная катастрофа, каждый следующий день будет лучше предыдущего. «Вечное настоящее, застрявшее в повторяемости *gif*-изображения» [Рейнольдс, 2015]. Дизайн солнечных городов предполагает, что среда должна быть тотально безопасной. Здесь не должно быть острых углов, жестких линий, темных переулков. Дизайн среды впускает природу в себя, укутывая ее своими объятиями, делая прирученной частью мира. Важной частью концепции любого дизайна является отсутствие внешнего, опасного. Урбанисты замеряют уровень зеленых насаждений в каждом отдельном районе, город выстроен по принципу рекреационных зон — где больше зелени, там лучше. Дизайн города впускает в себя природу только как ресурс «повышения индекса благополучия» жителей: зеленые насаждения заполняют собой стены и крыши зданий и рекультивированные шоссе, но представляют собой только места для прогулок. Продуктивное двухстороннее отношение с природой, которое реально совмещало бы городской и природный порядки, предполагало бы включение в трофические отношения и биоценозы, полные обоюдной прекарности: угрозы голода (как в случае *urban farming*) и угрозы быть съеденным. Просвещенческий город предлагает исключительно прирученную, безопасную Природу (с большой буквы, в смысле Тимоти Мортона) и в этом смысле ничем принципиально не отличается от садов Версаля или английских парков (включая специально разводимых и предназначенных для охоты оленей).

Так было не всегда: есть как минимум три периода в истории европеизированной культуры, в каждом из которых возможно было «подорвать» традицию европейского Просвещения, сделать другую модель отношений «человек — среда» доминирующей. В нашей истории Просвещение неизменно побеждало, вымарывая память из учебников истории, как большевики стирали бывших товарищей с фотографий.

Данный текст попробует восстановить стертые фигуры, показав четыре точки, в которых Просвещение могло проиграть.

Драма. XVII век

Предшественником европейского Просвещения была эпоха барокко – не похожая ни на более ранние, ни на поздние европейские эстетические традиции. Барокко – странный, мрачный, мистический период истории, сложный для понимания из современности. Восприятие периода барокко формировало ситуативные, случайные символические значения, которые собирались в моменте.

Обращаясь к работе Вальтера Беньямина «Происхождение немецкой барочной драмы» [Беньямин, 2002], можно на примере немецких театральных произведений описать суть европейского барокко. Ключевыми переменными являются воля случая и время, в качестве одного из действующих лиц – ситуация не предопределена изначально, а складывается *здесь-и-сейчас*, вместе с переменой героев и обстоятельств может привести к иному результату. Темпоральность, выступающая в качестве одного из персонажей, становится не внешним обстоятельством, но производимым изнутри. Барочные способы производства времени делали его видимым, заметным: объекты создавали темпоральность, время было вязким, движущимся, не абсолютной величиной.

Барокко идеализирует тревогу, она является операциональным состоянием мыслящего субъекта: неуверенность, ненадежность, нестабильность. Барочное представление существует в промежуточной точке отношения к Богу. С одной стороны, началось низвержение всемогущей сущности, которая целиком определяла жизнь и мораль смертных от начала до гибели и эпохой Просвещения, где место «пустого бога» заняла природа. Барокко не давало никаких гарантий, никакой стабильности – торжество вакуума, когда Бог еще не умер, но уже перестал контролировать окружающий порядок, а рациональность не стала единственной догмой, объясняющей все, кроме смутных страхов. *Horror vacui* [Law, 2011] – ужас вакуума, пустоты, что стабильная картина мира рискует обернуться обманом – был частью искусства и повседневной культуры периода барокко.

Обнаружить изнанку городской среды, выпасть из нормального миропорядка, испытать ощущение опустошенности – ночной кошмар современного жителя мегаполиса. Городская жизнь, выстроенная вокруг нескольких констант пространства-времени: календарей, часов, графиков движения автобусов и обязательного обеденного перерыва офисной работы, подразумевает только иллюзию плотности, потому что любой выход за рамки подталкивает к возможности выпасть в «складку» [Делез, 1997]. Барочная архитектура предполагала пустоты нормой, местом, которое невозможно исключить ни из искусства, ни из повседневности, ни из коллективного воображения. Барочные истории полнятся рассказами о потерявшихся и потерявших мир, заблудившихся и заплутавших, людях, у которых нет точки опоры.

Эпоха барокко связана с первым случаем теоретически эксплицированной экологической тревоги – Мэттью Хейл и Уильям Петти уже озабочены ростом населения и ограниченностью ресурсов, а уже в XVIII веке пишут Мальтус и Джон Стюарт Милль.

Продолжая рассуждения Гастона Башляра [Башляр, 2014] и Анри Лефевра [Лефевр, 2015], мы можем обратиться к понятию *дома*, которое является нулевой точкой для каждого человеческого субъекта. Место, из которого выстраиваются все отношения с окружающим миром, откуда можно начинать измерять и контролировать пространство. Обращаясь к различным психическим и феноменологическим опытам, исследователи указывают, как первоначальная территория формирует ощущение устойчивости и безопасности, которое впоследствии человек экстраполирует на большие масштабы, расширяя зону известного и подконтрольного.

Разделение на «свое» и «чужое» было продуктом неолитической революции и на тысячи лет определило отношения человека и пространства. Барокко стало исключением, когда чуждое, странное вошло в дома, поселилось в темных углах, сгустилось в дымоходах, скрылось за рамами картин и историй, звучащих под треск камина. Когда магия существовала и сопротивлялась как умирающей Церкви, так и зарождающейся Науке [Scribner, 1993]. Так не могло продолжаться долго – безопасный дом, лишенный жуткого чердака и странного подвала, должен унифицировать все доступное пространство на Земле, потому что постоянное существование в состоянии тревоги разъедает саму ткань повседневности, не давая сформироваться нормальности.

Исторически барокко проиграло. Эпоха Просвещения в науке и романтизм в искусстве положили конец нестабильной картине мира, поставив на опустошенное место «Бога» Природу. Европейская картина мира снова зафиксировалась на три сотни лет.

Дизайн. 1970-е

Дизайн 1970-х годов выбивался из полной надежды и счастливого будущего картины мира, представляя мир не светлым и счастливым [Фишер, 2020]. Это последнее время, когда тревога была эксплицирована, легитимирована. Образы эпохи диско – размышления о потенциально опасном грядущем, но которое возможно прожить. Марк Фишер и Саймон Рейнолдс сокрушаются, что «у нас отобрали будущее», но последний раз будущее существовало в качестве страха и тревоги, а не бесконечного комфорта и счастья.

Обращаясь к культуре и дизайну 1970-х, исследователи отмечают, что это реалистичный ремейк футуризма 1930-х, где вместо государства всеобщего благосостояния будущее предполагает постепенную деградацию, опустынивание, бедность и коллективную депрессию. В рваных, причудливых интерьерах 1970-х свет, в отличие от инструмента, который позво-

ляет экономить на искусственном освещении и наполняет пространство целиком, разрезается тенями, перестает быть функциональным. Тени перестают быть мусорным пространством, становясь нормальной частью городов. В отличие от современной городской среды, где все пространство должно быть осмысленным, города 1970-х позволяют переносить внимание на неудобные зоны, замечая, но еще не уничтожая их.

1970-е были последней точкой, где будущее радикально отличалось от прошлого и далеко не в лучшую сторону, – временем, когда история могла двигаться через различия, а постепенная деградация воспринималась как что-то нормальное и возможное.

Устойчивость. Недалекое будущее

Современный экологический дискурс выстроен вокруг операционального термина *sustainability* [Harte, 1995], что не совсем корректно переводят на русский язык как «устойчивое развитие». Не совсем корректно, потому что *sustainability* не содержит в себе даже парадигмы развития, это просто поддержание – чего? Текущего курса развития? Это противоречит идее радикального изменения и переустройства социума ради достижения *sustainability*. Остается поддержание ради поддержания, бесконечная надежда без содержания, попытка удержать вместе несовместимые идеи – будущего *как будущего* и вечного настоящего, превращенного в самоцель.

В 1998 году Жак Бодрийяр писал:

> Мы прыгаем в бездну регрессирующей истории, поддавшись ностальгии по пересмотренному и обновленному прошлому, и, поступая так, мы утрачиваем представление о будущем. Именно поэтому несколько лет назад я пришел к выводу, что Год 2000 не будет. Он не произойдет просто потому, что история столетия уже закончилась, и мы лишь постоянно переживаем ее. Выражаясь метафорически, мы никогда не будем в будущем. Наш милленаризм не имеет будущего. Милленаристский дух Года 1000 был пережит как огромный страх. Но по крайней мере он предвещал Пришествие и явление Царства Божьего. Сегодня же наши перспективы темны и сомнительны. Все, что осталось от милленаристских ожиданий, – обратный отсчет.

Так и случилось.

Человечество жаждет будущего, однако будущее не может быть будущим надежды, но оно не может быть и будущим отчаяния (потому что тогда оно схлопывается в продолжение того же (ускоряющегося, акселерационистского) курса на катастрофу и/или сингулярность. *Sustainability* как идеология *удерживания удерживания* представляет собой высшую точку «оккупации будущего»: попытки замкнуть его принципиальную прекарность в стеклянном шаре настоящего.

Термин «устойчивость» (*sustainability*) – существительное, используемое в экологии для обозначения состояний и условий, которые могут сохраняться в течение неопределенного периода времени, – стал более регулярно, чем раньше, вводиться в дискурсы развития. В начале 1970-х годов термин «устойчивое развитие» был придуман, вероятно, Барбарой Уорд (леди Джексон), основательницей Международного института окружающей среды и развития [Ward, 1972]. Концептуальные основы современного использования термина «устойчивое развитие» были закреплены в начале 1970-х годов. Проект выживания призывал к созданию «стабильного общества», которое могло бы «существовать бесконечно долго и при этом приносить оптимальное удовлетворение своим членам». В книге «Пределы роста» [Meadows et al., 1972] говорилось о «состоянии экологической и экономической стабильности, устойчивой далеко в будущем» и способной удовлетворить основные материальные потребности всех людей.

В этом смысле «устойчивости» не сопутствует, а противостоит так называемая экологическая тревожность (climate anxiety, которая уже стала официальным психологическим термином [Clayton, 2020]). Одним из характерных черт Gen-Z – поколения, родившегося уже в эпоху развернутого публичного дискурса об антропоцене, – называют апокалиптическое сознание и чувство беспомощности/безысходности перед неизбежным климатическим кризисом, выхода из которого не видно. У этого поколения еще есть шанс дожить до конца, но следующее будет непременно обречено на стирание из времени, пространства, истории. Человечество сохраняет свою наивную уверенность в возможности контроля, но на деле последний рубеж уже пройден [Pihkala, 2020], история заканчивается – не волей человека, а силами природы, к ней безразличными. Здесь нет места ни чувству вины, ни коллективной ответственности, ни возможности спасения – мир заканчивается, а человечество не обратит на это внимание [Morton, 2024].

В подкасте «Архивы Магнуса»[3] основными антагонистами являются «боги», или, точнее, сверхсущности – персонификации 14 человеческих страхов: смерть, одиночество, война, голод, тотальная наблюдаемость, замкнутые пространства, бесконечность... Большинство из них существуют столько же, сколько человечество, а некоторые древнее, так как даже высшие животные испытывают страх. Однако одним из самых пугающих потенциальных исходов, который персонажи пытаются предотвратить, является появление новой, пятнадцатой «персонификации страха»: страха климатического кризиса, который потенциально может обрести собственную форму и составить конкуренцию остальным четырнадцати и превзойти.

Климатическая тревожность отличается от банального страха смерти – в этом смысле это не просто хайдеггерианский ужас конечности, распростра-

3. https://rustyquill.com/show/the-magnus-archives/.

ненный на все человечество, подобно тому, как Бердяев переживал все трагедии человечества в смерти своего кота Мури. Это не так работает.

Донна Харауэй [Харауэй, 2020] и Анна Цзин [Цзин, 2017] говорят примерно об одном и том же: о том, что мыслить будущее в терминах «спасения» и «защиты» непродуктивно для современной ситуации; более того, именно такое мышление и завело нас в ту ситуацию, в которой мы находимся сейчас. Грибы мацутакэ процветают на поврежденных ландшафтах; Харауэй называет свою книгу *Staying with the Trouble*, в том числе заимствуя это название из психотерапевтического дискурса — «оставаться в тревоге» как практика из когнитивно-поведенческой терапии: не бежать от состояния тревожности, а находиться в нем и учиться его переносить.

Что это означает для дизайна городской среды? Как мог бы выглядеть городской дизайн, который принял бы тревогу, а не пытался ее залакировать, утерапевтировать в ноль или замести под ковер?

Один из вариантов — это норвежская концепция номадических городов, которые складываются и раскладываются. Архитектор Стани Камбот, автор книги «Номадический город», лидер творческой группы *Echelle Inconnue,* которая прицельно работает над апокалиптическими и постапокалиптическими сценариями развития городских агломераций и которая в том числе призывает обратить особое внимание на «группы населения, которые дороги нам и которые, несомненно, будут продолжать уничтожаться в будущем (путешественники, стационарные, обособленные, кочевые или путешествующие промышленные рабочие, ярмарочные рабочие, бездомные и т. д.). В том же духе особое внимание будет уделяться жилью и условиям жизни в постапокалиптический период (развитие жилья для рабочей силы и нежелательных лиц в крошечных домах или лагерях, управляемых государственными или промышленными силами, расположение, обусловленное близостью к компании для ограничения воздействия путешествий на окружающую среду, и т. д.)» [Бодрийяр, 1998].

Городской дизайн в свете наступающего конца света должен быть тревожным.

Пора расстаться с мыслью, что можно найти «правильный» способ устроения городов, «оптимальную» стратегию, «хорошую» архитектуру. Реализовать концепцию номадического города в реальности — это смириться с разрушением, с неизбежностью руинизации. Не просто смириться — принять ее как условие и стратегию. Коллаборация архитектора с природой — это не встраивание природы в архитектуру или архитектуры в природу, это архитектура, которая осознает, что она в том числе природный объект — а все природные объекты взаимодействуют со средой и разрушаются.

Серость. Конец Света

Действительно экологичный образ городов будущего мы можем увидеть в романе Роберта Курвица «Божественный и страшный аромат» [Курвиц, 2013]: разрушаемые атомными бомбардировками мегаполисы модерна и наступающая Серость (в мире Курвица — субстанция, которая неумолимо поглощает материю вместе со всеми островками человечества). Элизиум — мир, который заканчивается. Роман Роберта Курвица подсказывает — Просвещение может быть уничтожено только онтологически: во всепоглощающей Серости и атомном огне.

Серость не принципиально Внешняя Природа, которая находится по ту сторону онтологической границы [Morton, 2016], но история, ставшая материальной. В отличие от безопасного просвещенческого времени, которое выражено в фиксированных промежутках: часах и календарях, которое движется прямолинейно в светлое будущее, Серость происходит одновременно. В ней смешан весь коллективный человеческий опыт, отражающийся одномоментным эхом: каузальные связи перестают иметь значение, события просто случились одновременно, а выцветшие останки поглощенного материального мира перемешаны с эхом событий разных эпох. Серость исключает опыт из реальности.

В отличие от различных концепций историзма, Серость не делает разницы между проигравшими и победителями [Беньямин, 2000б; Агамбен, 2000], не пытается ни вжиться в реальный образ эпохи, ни ожидать Мессию [Беньямин, 2000а]. Она просто перемешивает весь коллективный опыт: память людей, идеологии, идеи, где четыре пропавшие девушки ценностно значат столько же, сколько исчезновение огромного аэростата с тысячей пассажиров на борту, потому что самого понятия ценности уже не существует.

Это не конец истории, а стеклянный шар, в котором опыт человечества замрет навсегда: не будет бесконечного воспроизводства, цепочек поставок, экономического роста или капитализма — останется только Серость. Она пожирает историю, оставляя спутанный клубок событий. Иметь прошлое — не значит иметь историю, для нее необходим рефлексивный разум, а в Серости его нет, поэтому там все происходит одновременно.

Городская среда становится экологичной не потому, что человечество позволяет природе сосуществовать с городом, а потому что Природа и История оказываются двумя аспектами одного гиперобъекта [Вилейкис, Ханова, 2021], несравнимо большего, чем человечество, не являясь внешним по отношению к наблюдателю, а обволакивая его, делая частью себя.

Население мира Элизиум нормализует конец света — его даже не ждут, просто перестают замечать. Жизнь продолжает существовать как она есть. Люди продолжают употреблять витамины, есть исключительно здоровую пищу и уделять время утренним пробежкам. Серость, которая поглотит город через несколько суток, равно как и линия фронта, приближающаяся с другой стороны, никого

не волнует. Повседневность тотально побеждает — горожан волнует качество водопроводной воды в последние часы существования мира:

> Крейсеры гибнут под обстрелами в Северном море, но государство по-прежнему предлагает безработному человеку искусства возможность переподготовки в своей сфере деятельности. Граад теряет Полярное плато на севере, Елинка сгорает в пожаре в трехмесячную зимнюю ночь, и никто не выживает, но безработный Петер Петерссон по-прежнему рассказывает о книге, которую вот-вот допишет. Граад оставляет второстепенный театр военных действий в Катле, собирая силы для защиты родной изолы, путь в Арду оказывается открыт для агрессора, фронт с каждым днем приближается, но о книге Петера Петерссона по-прежнему ничего не слышно. Таким образом, невзирая на возмущение экстремистов, государство Вааса покидает историческую сцену с трехлетним оплачиваемым отпуском по уходу за ребенком и безукоризненно работающим общественным транспортом.
>
> Кажется, ничто не может помешать экологически сознательным «проектам будущего». В месяцы, когда Серость уже подползает к Ваасе через океан, сбывается заветная мечта лоббистских групп по борьбе со световым загрязнением. В промышленных и коммерческих зданиях гасят искусственное освещение в конце рабочего дня, уличные фонари накрывают специальными фильтрами. Вааса становится первым и последним в истории крупным городом, полностью избавившимся от светового загрязнения. Это не только мера против бомбардировок, но и забота о птицах, которые без этого легко могли бы заблудиться в световых лабиринтах города, и тюленях, чей брачный ритм нарушается из-за слишком долгого дня. Можно над этим смеяться, но в то время, как большой мир на заднем плане превращается в кровавый вихрь, в Ваасе ты вечерами выходишь с семьей на улицу и ведешь себя так, будто ничего не происходит. Только далекие взрывы нарушают глубокое спокойствие зимней ночи, чистоту ее звездного неба. Все смотрят на него, запрокинув головы [Курвиц, 2013, с. 174–175].

Источники

Агамбен Д. (2000). Скрытый подтекст тезисов Беньямина «О понятии истории» (из книги «Оставшееся время: Комментарий к “Посланию к римлянам”») // Новое литературное обозрение. № 46. С. 91–96.

Башляр Г. (2014) Поэтика пространства. М.: Ad Marginem.

Беньямин В. (2000а) Кафка. М.: Ad Marginem.

Беньямин В. (2000б) О понятии истории // Новое литературное обозрение. Т. 46. № 6. С. 81–90.

Беньямин В. (2002) Происхождение немецкой барочной драмы. М.: Аграф.

Бодрийяр Ж. (1998). В тени тысячелетия, или Приостановка года 2000 // anthropology.ru. Режим доступа: http://anthropology.ru/ru/text/bodriyar-zh/v-teni-tysyacheletiya-ili-priostanovka-goda-2000. (дата обращения 30.04.2024).

Вилейкис А., Ханова П. (2021) Город-гиперобъект. Введение // Городские исследования и практики. Т. 6. № 4. С. 7–16.

Вилейкис А.И. (2020) Никогда больше: как осмысление холокоста породило современный экологический дискурс // Нож. 8 февраля. URL: https://knife.media/club/eco-holocaust/ (дата обращения: 30.04.2024).

Гейне Г. (1958) Собрание сочинений. Т. 6. М.: Государственное издательство художественной литературы.

Гибсон У. (2000) Нейромант. М: АСТ.

Делез Ж. (1997) Складка. Лейбниц и барокко. М.: Логос.

Дик Ф. (2016) Снятся ли андроидам электроовцы? М.: Эксмо.

Колхас Р. (2015) Гигантизм, или Проблема Большого. Город-генерик. Мусорное пространство. М.: Арт Гид.

Курвиц Р. (2013) Божественный и страшный аромат. Таллин: ZA/UM.

Лефевр А. (2015) Производство пространства. М.: Strelka Press.

Маккуайр С. (2014) Медийный город. Медиа, архитектура и городское пространство. М.: Strelka Press.

Рейнольдс С. (2015) Ретромания. Поп-культура в плену собственного прошлого. М.: Белое яблоко.

Фишер М. (2020) Призраки моей жизни. Тексты о депрессии, хонтологии и утраченном будущем. М.: Новое литературное обозрение.

Фукуяма Ф. (2004) Конец истории и последний человек. М.: АСТ.

Харауэй Д. (2020) Оставаясь со смутой. Заводить сородичей в Хтулуцене. Пермь: Гиле Пресс.

Цзин А.Л. (2017) Гриб на краю света. О возможности жизни на руинах капитализма. М.: Ad Marginem.

Beaumont M. (2015) Nightwalking: A Nocturnal History of London. London: Verso Books.

Clayton S. (2020) Climate Anxiety: Psychological Responses to Climate Change // Journal of Anxiety Disorders. Vol. 74. 102263.

Harte M.J. (1995) Ecology, Sustainability, and Environment as Capital // Ecological Economics. Vol. 15. № 2. P. 157–164.

Law J. (2011) Assembling the Baroque // CRESC Working Paper Series. Working Paper No. 10. Manchester, UK: Centre for Research on Socio-Cultural Change (CRESC). Режим доступа: https://hummedia.manchester.ac.uk/institutes/cresc/workingpapers/wp109.pdf (дата обращения 30.04.2024).

Le Marchand A. (2023) Temporary Mobilities and Neo-Nomadism // Mobility and Geographical Scales / G. Drevon, V. Kaufmann (eds). Hoboken, NJ: Wiley. P. 221.

Meadows D.H., Randers J., Meadows D.L. (1972) The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome’s Project on the Predicament of Mankind. New York: Universe Books.

Morton T. (2016) Dark Ecology: For a Logic of Future Coexistence. New York: Columbia University Press.

Morton T. (2024) Hell: In Search of a Christian Ecology. New York: Columbia University Press.

Pihkala P. (2020) Anxiety and the Ecological Crisis: An Analysis of Eco-Anxiety and Climate Anxiety // Sustainability. Vol. 12. № 19. 7836.

Scribner R.W. (1993) The Reformation, Popular Magic, and the “Disenchantment of the World” // Journal of Interdisciplinary History. Vol. 23. № 3. P. 475–494.

Ward B. (1972) Only One Earth. The Care and Maintenance of a Small Planet. Harmondsworth: Penguin.

WHAT COULD GO WRONG: ANXIETY AND URBAN DESIGN

Alexander I. Vileykis, Professor, Eurasian Institute of Economic and Legal Studies, Narxoz University; Director of the Community Center, 55, Zhandosova str., Almaty, 050035, Kazakhstan.
E-mail: alexandro.vileykis@gmail.com

Polina A. Khanova, Candidate of Philosophy, Assistant Professor, Department of Ontology and Theory of Knowledge, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University (MSU), 27 Lomonosovsky Prospect, Bldg. 4, Moscow 119991, Russian Federation.
E-mail: linakhanova@gmail.com

This article explores the influence of Enlightenment philosophy on contemporary environmental concepts and urban design. The authors examine how Enlightenment ideas have contributed to shaping human relationships with the environment since the Baroque era. They emphasize that the Enlightenment contributed significantly to the rationalization and optimization of urban space, displacing anxiety and fear.
The focus is on how eighteenth-century philosophers and their followers laid the foundation for environmental consciousness, leading to a rethinking of human interaction with nature in the twentieth century. The text examines the concept of responsibility that emerged during the Enlightenment and its influence on the contemporary environmental agenda. It compares different historical periods when alternative models of interaction with nature could have become dominant but eventually succumbed to the rational approach of the Enlightenment.
The study emphasizes the changes in the perception of time and space that emerged under the influence of the Enlightenment and their significance for contemporary environmental discourse and urbanism.
Keywords: Timothy Morton; Enlightenment; anxiety; ecology; urban design; Robert Kurwitz; depression; environment; baroque; solarpunk; Jacques Baudrillard; urban environment; urban planning; infrastructure
Citation: Vileykis A.I., Khanova P.A. (2024) What Could Go Wrong: Anxiety and Urban Design. *Urban Studies and Practices*, vol. 9, no 3, pp. 8–15. DOI: https://doi.org/10.17323/usp9320248-15 (in Russian)

References

Agamben D. (2000). Skrytyy podtekst tezisov Ben'yamina «O ponyatii istorii» (iz knigi «Ostavsheesya vremya: Kommentariy k "Poslaniyu k rimlyanam"») [Hidden subtext of Benjamin's theses "On the Concept of History" (from the book "The Remaining Time: A Commentary on the 'Epistle to the Romans'")]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], no 46, pp. 91–96. (in Russian)
Bashlyar G. (2014). Poetika prostranstva [The Poetics of Space]. Moscow: Ad Marginem. (in Russian)
Beaumont M. Nightwalking: A Nocturnal History of London. London: Verso Books, 2015.
Benjamin V. (2000a). Kafka. Moscow: Ad Marginem. (in Russian)
Benjamin V. (2000b). O ponyatii istorii [On the Concept of History]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], vol. 46, no 6, pp. 81–90. (in Russian)
Benjamin V. (2002). Proiskhozhdenie nemetskoy barochnoy dramy [The Origin of the German Baroque Drama]. Moscow: Agraf. (in Russian)
Baudrillard J. V teni tysyacheletiya, ili Priostanovka goda 2000 [In the Shadow of the Millennium, or The Suspension of the Year 2000]// *anthropology.ru.* Available at: http://anthropology.ru/ru/text/bodriyar-zh/v-teni-tysyacheletiya-ili-priostanovka-goda-2000 (accessed 30 April 2024). (in Russian)
Clayton S. (2020) Climate Anxiety: Psychological Responses to Climate Change. *Journal of Anxiety Disorders*, vol. 74, 102263.
Deleuze G. (1997). Skladka. Leibnits i barokko [The Fold: Leibniz and the Baroque]. Moscow: Logos. (in Russian)
Dick P. (2016). Snyatsya li androidam elektroovtsy? [Do Androids Dream of Electric Sheep?]. Moscow: Eksmo. (in Russian)
Fisher M. (2020). Prizraki moyey zhizni. Teksty o depressii, hauntologii i utrachennom budushchem [Ghosts of My Life: Writings on Depression, Hauntology, and Lost Futures]. Moscow: New Literary Review. (in Russian)
Fukuyama F. (2004). Konets istorii i posledniy chelovek [The End of History and the Last Man]. Moscow: AST. (in Russian)
Haraway D. (2020). Ostavayas' so smutoy. Zavodit' sorodichey v Khtulutsene [Staying with the Trouble: Making Kin in the Chthulucene]. Perm: Hyle Press. (in Russian)
Harte M.J. (1995) Ecology, Sustainability, and Environment as Capital. *Ecological Economics*, vol. 15, no. 2, pp. 157–164.
Heine G. (1958). Sobranie sochineniy [Collected Works], vol. 6. Moscow: State Publishing House of Fine Arts. (in Russian)
Gibson W. (2000). Neyromant [Neuromancer]. Moscow: AST Publishing. (in Russian)
Kolhas R. (2015). Gigantizm, ili Problema Bol'shogo. Gorod-generik. Musornoye prostranstvo [Gigantism, or The Problem of the Big. Generic City. Waste Space]. Moscow: Art Guide. (in Russian)
Kurvits R. (2013). Bozhestvennyy i strashnyy aromat [Divine and Terrible Scent]. Tallinn: ZA/UM. (in Russian)
Law J. (2011) Assembling the Baroque. *CRESC Working Paper Series*, Working Paper no. 10. Manchester, UK: Centre for Research on Socio-Cultural Change (CRESC). Available at: https://hummedia.manchester.ac.uk/institutes/cresc/workingpapers/wp109.pdf (accessed 30.04.2024)
Le Marchand A. (2023) Temporary Mobilities and Neo-Nomadis. *Mobility and Geographical Scales*/G. Drevon, V. Kaufmann (eds). Hoboken, NJ: Wiley, p. 221.
Lefevre A. (2015). Proizvodstvo prostranstva [The Production of Space]. Moscow: Strelka Press. (in Russian)
McQuire S. (2014). Mediyynyy gorod. Media, arkhitektura i gorodskoye prostranstvo [The Media City: Media, Architecture and Urban Space]. Moscow: Strelka Press. (in Russian)
Meadows D.H., Randers J., Meadows D.L. (1972) The Limits to Growth: A Report for the Club of Rome's Project on the Predicament of Mankind. New York: Universe Books.
Morton T. (2016) Dark Ecology: For a Logic of Future Coexistence. New York: Columbia University Press.
Morton T. (2024) Hell: In Search of a Christian Ecology. New York: Columbia University Press.
Pihkala P. (2020) Anxiety and the Ecological Crisis: An Analysis of Eco-Anxiety and Climate Anxiety. *Sustainability*, vol. 12, no. 19, 7836.
Reynolds S. (2015). Retromaniya. Pop-kul'tura v plenu sobstvennogo proshlogo [Retromania: Pop Culture's Addiction to Its Own Past]. (in Russian)
Scribner R.W. (1993) The Reformation, Popular Magic, and the "Disenchantment of the World".

Journal of Interdisciplinary History, vol. 23, no. 3, pp. 475–494.

Tszin A.L. (2017). Grib na krayu sveta. O vozmozhnosti zhizni na ruinakh kapitalizma [The Mushroom at the End of the World: On the Possibility of Life in Capitalist Ruins]. Moscow: Ad Marginem. (in Russian)

Vileykis A., Khanova P. (2021). Gorod-giperob'ekt. Vvedenie [The City as a Hyperobject. Introduction]. *Gorodskie issledovaniya i praktiki* [Urban Studies and Practices], vol. 6, no 4, pp. 7–16. (in Russian)

Vileykis A.I. (2020). Nikogda bol'she: kak osmyslenie kholokosta porodilo sovremennyy ekologicheskiy diskurs [Never Again: How the Interpretation of the Holocaust Gave Birth to Modern Ecological Discourse]. *Nozh* [Knife], February 8. Available at: https://knife.media/club/eco-holocaust/ (accessed 30 April 2024). (in Russian)

Ward B. (1972) Only One Earth. The Care and Maintenance of a Small Planet. Harmondsworth: Penguin.